

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Вселенной никогда не быть прежней

БЛУДНЫЙ СЫН,

**ИЛИ ОЙКУМЕНА:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
Книга 1. ОТЩЕПЕНЕЦ**

Генри Лайон Олди

**Блудный сын, или
Ойкумена: двадцать лет
спустя**

(космическая fuga)

Книга первая. Отщепенец

Гюнтер Сандерсон — молодой эмпат с просвещённого Ларгитаса, обладатель уникальных способностей. Мирра Джутхани — бродяжка с нищей Чайтры, звёздная автостопщица, зарабатывающая на жизнь энергоресурсом собственного тела. Кто бы мог предположить, что случайная встреча Гюнтера и Мирры в окрестностях загадочного Саркофага поставит две космические цивилизации на грань войны, ловцы собьются с ног, охотясь за удивительной добычей, а светила науки сломают свои высокоорганизованные мозги, пытаясь разобрать чудо по винтикам?

«Блудный сын» — пятый роман эпопеи «Ойкумена», давно заслужившей интерес и любовь читателей. «Космическая симфония» была написана Г. Л. Олди десять лет назад, а в «одной далекой галактике» год идет за два — не зря у нового романа есть подзаголовок «Ойкумена: двадцать лет спустя».

Что дальше? Вселенной никогда не быть прежней.

Содержание

Пролог

Часть первая Дитя раздора

Глава первая Красный код, или «Аномалия» снова в деле

Контрапункт Двадцать лет спустя, или Дерьмо без перспектив

Глава вторая Как размножаются флуктуации, или Время гипотез

Контрапункт Редкая дрянь, или Костры во тьме

Глава третья Принуждение к сексу, или Живой кукиш энергетам

Контрапункт Совет антисов, или Тёмное слово dāsîputra

Часть вторая Охота на блудного сына

Глава четвёртая Отцы и дети, или Грязное бельё кавалера Сандерсона

Контрапункт Хух, йух, йух, или Разговор с глазу на глаз

Глава пятая Снова красный код, или Икра полярной белуги

Контрапункт Как умирают антисы, или Проводы Нинки-Нанка

Глава шестая Козленок в джунглях, или Ужас, ужас, ужас

Контрапункт Он наш, или Кешаб-Джи, не берите греха на душу.

Часть третья Отцы и дети, война и мир

Глава седьмая Качай любовь, придурок, или «Львы Пхальгуны» едины с народом

Контрапункт Незаменимых нет, или Я сожгу ваш мозг, наместник

Глава восьмая Алмаз неслыханных размеров, или
Гнев брамайнов

Контрапункт Спасение Папы Лусэро, или Я тебя
тоже люблю

Глава девятая Блудный сын, или Стимулирующий
выстрел в голову.

Контрапункт Интересное дело, или Гений
дипломатии

Эпилог

Пролог

Антис — человек, от рождения наделенный способностью к переходу в измененное, расширенное состояние (по К. Челковцеву) и как следствие — к выходу в открытый космос без средств защиты и перемещению со сверхсветовыми скоростями без использования РПТ-манёвров. В измененном состоянии разум и тело антиса представляют собой единый энергетический сгусток огромной мощности.

Социализация антисов затруднена: в детстве они часто бывают вспыльчивы, раздражительны, склонны к немотивированной агрессии. По этой причине в обитаемых секторах Галактики действуют особые службы по выявлению антисов в возрасте до семи лет. Выявленные дети воспитываются опытными педагогами по специальным методикам, облегчающим дальнейшую социализацию. В итоге большинство антисов вырастает с сознанием своей ответственности перед человечеством. Периодические вспышки их антисоциальной активности носят локальный характер и имеют минимальные последствия.

Малая Галактическая Энциклопедия, том 2.

— Детка, чего ты ломаешься?

Действительно, подумала Мирра. Чего я ломаюсь?

— От тебя что, убудет?

Не убудет, подумала Мирра. В худшем случае, прибавится.

— Три дня, — развивал успех Боров. Читать по лицам он был не мастак, но молчание Мирры счёл несомненным успехом. — Парни сейчас подойдут, я им уже маякнул. Съездишь с ними на адресок, потусуешься три дня. Знаешь, какая тут скукотища? Хоть в петлю лезь, честное слово! А так развлечёшься, оттянешься по полной. Не парься, многого не требуют. Деньжат подкинут на обратную дорожку. Хоп, и ты уже на «Вкусняшке», летишь обратно на свою Чайтру.

— На Китту, — поправила Мирра. — Я вписалась к тебе на Китте.

— Хорошо, на Китту. Ну что, по рукам?

Мирра наклонилась вперёд:

— Сутенёришь, *ларгí*? По маленькой, а?

— Не называй меня так, — насупился Боров. — Обижусь.

— Как тебя не называть? Сутенёром? Или ларгí?

Или Боровом, мысленно добавила Мирра. Разумеется, вслух она этого не произнесла. У Борова была тяжёлая рука. До сих пор он ни разу не ударил Мирру, но всё когда-то случается в первый раз.

— Заноза! — буркнул Боров, успокаиваясь. — Вот ведь заноза!

— Пускай заноза. Лишь бы не *puṁścalī*!

— Кто?!

— Шлюха!

— Слушай, но мне же ты дала? Раз, и в койку, и ноль проблем. Какая тебе разница, я или не я? Только не говори, что я твой принц на белом двигуне...

Тебе я дала, согласилась Мирра. У тебя отдельная каюта.

Каюта Борова, старшего механика на ларгитасском грузовом рефрижераторе «Вкусняшка» — не люкс для новобрачных, зато с персональным санузелом и ионным душем. Застряв на Китте без гроша в кармане, Мирра с радостью нанялась бы куда угодно, хоть в крематорий. Печи, сжигавшие мертвецов, на Магхе, Чайтре и Пхальгуне обеспечивали энергией исключительно *чандалы* из касты неприкасаемых. Такая запись в чипе трудоустройства, имплантированном между бровей, означала поражение во всех правах, включая запрет на ношение любой одежды, кроме будничной, и любых украшений, кроме железных. Без грязной работы в этом гадском мире не обойдёшься — раса Брамайн на двадцать три процента состояла из неприкасаемых, но Мирра вовсе не горела желанием пополнить собой злополучные проценты. К счастью, работодатели Китты, курортной планеты, принадлежащей расе Вудун, к

формальностям относились спустя рукава. На брамайнскую кастовую систему здесь чихать хотели, полагая её дикарским суеверием, и в зоне для бюджетного отдыха всегда находился шанс подработать без записи в чипе. Всегда? Чёрта с два! Мирра сбила ноги, бегая за удачей. Собственное имя — Мирра означало «преуспевающая» — казалось издевательством чистой воды. Все бригады *толкачей*, куда она обращалась, были укомплектованы, молодая брамайни получала отказ за отказом. Страдания усиливали её внутренний энергоресурс, но одним энергоресурсом сыт не будешь, если, конечно, ты человек, а не аккумулятор. Когда отчаяние достигло предела, старуха-разносчица в портовой забегаловке, добрая душа, угостила Мирру кукурузной кашей с жареными томатами, сыпанула горстку сушёных гусениц, налила чашку эрзац-кофе из семян груши — и посоветовала девушке обратиться к Борову, извиняюсь, к стармеху Рудгеру Вандерхузену. Правнучка старухи, мол, год назад обращалась и не пожалела. Говоря о правнучке, которая не пожалела, старуха гримасничала и подмигивала, но Мирра списала это на обезьяньи повадки вудунов. Когда рефрижератор выходил на орбиту Китты, готовясь в назначенный диспетчером час стартовать к далёкому Шадрувану, Мирра сидела сиднем в третьем энергоблоке корабля, положив ладони на холодные, чуть шероховатые пластины трансформатора дублирующего контура, и бормотала освобождающую мантру: «Если есть у меня какие-то энергетические заслуги...»

В трёх опломбированных холодильниках, доверенных попечению Мирры на случай временного сбоя центральной силовой линии, лежал груз охлаждённых стейков. О, это был всем грузам груз! Не дешевая синтетика, будь она проклята, или эрзац для нищеводов, выращенный из ствольных клеток и

подкрашенный свекольным соком, а самая натуральная говядина для утончённых желудков героических ларгитасцев, сражающихся на трижды зажопинской передовой научного прогресса. Короче, случись сбой в обеспечении холодильников энергией, и Мирру в ту же минуту пустили бы на стейки, бульон и жареные телячьи мозги с зелёным горошком, о чём ей недвусмысленно сообщил Рудгер Вандерхузен.

И добавил, словно говорил с умственно отсталой:

— Врубилась, детка?

Врубилась, кивнула Мирра. И похлопала ладонями по пластинам трансформатора, словно аплодируя ораторским талантам стармеха.

Телячьи, не телячьи, но чтобы занять свои собственные, томящиеся от скуки мозги, Мирра подсчитывала количество времени, которое проведут в аду любители стейков. Даже детям известно, что нечестивец, вкусивший мясо священного животного, воплощения Камадхены, исполнительницы желаний, будет страдать в аду столько лет, сколько волосков растёт на теле коровы. Берем площадь коровы в квадратных сантиметрах, минус рога, копыта, нос, глаза и анальное отверстие, умножаем на количество волосков, растущих на одном квадратном сантиметре; прикидываем количество стейков, получаемых из одной коровы...

Иногда Мирра жалела, что не родилась гематриейкой. Уж эти-то ходячие компьютеры живо справились бы с говяжьими расчётами! И взялись бы за следующие: площадь стармеха Вандерхузена в квадратных сантиметрах, минус глаза, нос, ладони и подошвы ног...

Боровом стармех стал для Мирры ночью, когда предложил девушке разделить с ним каюту. Grimасы старухи мигом обрели конкретное значение, но Мирра была не из приверед. В своё время она всласть нарадовалась корабельным «общакам» толкачей,

набитым доверху потными, скверно пахнущими телами, как консервная банка — килькой пряного посола. В бригадах трудились и мужчины, и женщины, но спали все вместе, на жиденьких ковриках, брошенных на пол. Нужду справляли в крошечном туалете, примыкавшем к «общаку». Два жалких санитарных утилизатора, сел-встал, в дверь уже стучат! Вероятно, на «Вкусняшке» нашлись бы места почище, но от добра добра не ищут, и предложение стармеха девушка сочла подарком судьбы. Желания Борова, вопреки опасениям, оказались простыми, без выдумки, а главное, непродолжительными. Пять минут, включая снятие штанов, и Боров уже спал без задних ног, отвернувшись к стенке. Ночью он не храпел, а во время секса деликатничал, стараясь не наваливаться на Мирру всей тушей, за что девушка прониклась к стармеху искренней признательностью.

Ну, во всяком случае, до того момента, как они прилетели на Шадруван — и Боров, скотина, решил её облагодетельствовать.

Согласно статистике, брамайны страдают от физических неудобств примерно в девять раз больше, чем представители других рас Ойкумены. Это обусловлено брамайнской природой: от страданий сородичи Мирры накапливали в себе энергию, которую были способны передать на техническое устройство. Густонаселенные, нищие, грязные, лишённые элементарного комфорта, с жарким и влажным климатом, планеты расы Брамайн свидетельствовали не о дикости населения или преступном бездействии властей, как полагали многие, а о рачительном отношении к дарам эволюции — чем больше телесных мук, тем лучше! Корабельные «общаки» преследовали ту же цель: рост ресурса «толкачей» на случай перерасхода. Впрочем, инорасцы считали брамайнов существами бесчувственными, аскетами,

равнодушными к условиям обитания — внешне уроженцы Пхальгуны или Чайтры слабо реагировали на зной, голод или жажду, а мир судит о страданиях по тому, как громко ты плачешь или ругаешься. Веди Боров себя иначе, грубее, и Мирра повысила бы свой энергозапас. Но холодильники не требовали перерасхода энергии, на них вполне хватало обычной нормы, поддерживаемой без усилий, так что спасибо, дорогой Боров, пусть тебе снятся сладкие сны.

— Это что? — Мирра повела рукой. — Всё это?

— Кафе, — объяснил Боров. — Ну, столовка, для сотрудников.

— Нет, я о другом. Что здесь такое? Рудники?

— Саркофаг.

— В смысле?

— Да нет тут никакого смысла, детка. Куриное яйцо размером с город, аномалия природы. Били, били, не разбили... Яйцо и станция наблюдения при яйце. Сидят, ждут у моря погоды. Может, чего вылупится? Одиннадцать лет ждут, придурки, или двенадцать, не помню уже. Ты врубаешься, а? Уйма времени! Зарплата, премия, надбавка за вредность — денежки капают, чего ж не ждать? Я бы сто лет ждал, честное слово...

— И всё?

— И всё. Планета необитаемая, на карантине.

— Тут что, одни учёные?

Боров смеялся долго, вкусно. Щёки Борова тряслись, изо рта летели брызги слюны. Для ларгí, как презрительно звали брамайны граждан просвещённого Ларгитаса, он с преступным легкомыслием относился к науке в целом и к учёным в частности. Видимо, сказывались годы, потраченные на перевозку стейков. Пока он смеялся, Мирра разглядывала столовку. На Чайтре эта столовка называлась бы рестораном, щеголяя первым, а то и высшим классом. Народу вокруг было мало, человек пятнадцать. По меркам

брамайнских планет с их чудовищной скученностью — считай, вообще никого. Люди ели, пили сок, беседовали, нимало не интересуясь Миррой и её спутником. Вру, поправила себя Мирра. Вон, косой взгляд. И вон ещё. Яйцеголовых ларгí раздражает присутствие грязной энергетки. Так раздражала бы собака — кудлатая, слюнявая, с вываленным языком, которую не гонишь прочь лишь из опасений повздорить с хозяином. Ага, вы любите нас, как мы любим вас. Трахнуть меня скучающим работникам умственного труда не зазорно, главное, не выпячивать грешок на всеобщее обозрение. Ходи потом в зоофилах! Ага, ещё взгляд. Славный мальчик, пушок на щеках. Смотрит без презрения, с интересом. Знакомый интерес, понятный. Ой, мы застеснялись! Ой, мы потупились, мы кушаем омлет...

— Учёные, — отсмеявшись, подтвердил Боров. — На вишне копчёные. И обслуга, не без того. Раньше были гематры, сейчас нет. Может, осталась пара-тройка, я не в курсе.

— Это тоже учёный?

Мужчина, на которого указала Мирра, с увлечением грыз ногти. Вредная привычка, обычное дело, но никогда раньше молодой брамайни не встречались люди, наслаждающиеся процессом так, как этот ларгí. Прикусить заусенец, потянуть, отпустить. Облизать палец. Пощёлкать ногтем, цепляя и отпуская острый край зуба. Отгрызть кусочек. Пожевать, сплюнуть на ладонь. Изучить выплюнутое. Сунуть обратно в рот. Томно прикрытые глаза. Еле слышные стоны наслаждения. Бисеринки пота на лбу. Складывалось впечатление, что за столиком сидит эксперт, дегустирующий редчайший сорт бренди из закрытой коллекции для миллиардеров.

— Учёный, детка. Клаас Янсен, граф форономии. Ты не думай, он нормальный, просто обкуренный. Тут

знаешь, какая травка растёт? Покуришь, и крыша набекрень.

— Знаю, — отмахнулась Мирра. — Курила.

— Что ты курила, детка? Тут травка — всем травкам травка. Примешь косячок, и свет тебе видится мягким. Порезала палец — на хи-хи пробивает, врубилась? Запах цветов — вкуснотища. Гладкое — страх. И закат солнца — страх, но другой. Красное вроде как музыка. Зубы болят — в радость. И всегда по-разному, не предугадаешь. Слух превращается в зрение, осязание — в обоняние...

— Жизнь — в дерьмо. Покурил пару лет, и бегом на кладбище.

— А вот и нет! Проверенное дело, вреда — ноль на выходе. Час кайфа, и отпустило без последствий. Тут многие покуривают. Я хотел вывезти чуток, на продажу, да нельзя — карантин. Лишат лицензии, а то и в тюрьму законопатят. Ты не ерепенься, а? Парни подвалят, ты иди с ними. Они тебе и курнуть дадут, и нальют, и вообще...

— Не пойду, — решила Мирра. — Не пойду я с твоими парнями.

— А с кем ты пойдешь? Куда?!

— А вот с ним! Эй, красавчик! Да, ты, с омлетом...

Мальчик встал:

— Это вы мне?

— Бери омлет, иди сюда. Садись, я девочка добрая, не укушу. Давай так: как ты скажешь, так я и сделаю. Знакомься: это старший механик Вандерхузен.

— Очень приятно, господин Вандерхузен, — мальчик кивнул. На вид ему было лет восемнадцать. — Меня зовут Гюнтер, Гюнтер Сандерсон.

— Рад знакомству, господин Сандерсон.

Мирра не ожидала от Борова вежливости. Сказать по правде, она ожидала грубости, даже хамства. Но Боров устоялся на мальчика так, словно того отлили из

червонного золота. Ты вытянула козырную карту, сказала Мирра себе. Будь здесь рудники, пришли бы заскорузлые шахтёры, дали бы Борову денег, мальчику — по морде, и пошла бы ты с шахтёрами куда велено. Хорошо, что на Шадруване нет рудников. Хорошо, что мальчик золотой. И симпатия: чистенький, невинный, долговязенький. Ноздри, правда, татуированные.

— Клёвая татуха, — Мирра указала на нос Гюнтера. — Где колол?

— Дома, — мальчик покраснел. — На Ларгитасе, в интернате.

— В интернате?

— Давно, ещё в первом классе.

— Обалдеть! И как начальство? Учителя?

— Нормально.

— Прогрессивный у вас интернат! У меня тоже татуха есть. Показать?

— Здесь?

— Нет, здесь нельзя, выгонят. Потом покажу, у тебя. Ты в общежитии живешь?

— Нет, у меня коттедж.

— Отдельный?

— Ага.

— Вас там много живёт?

— Это мой коттедж. Я там один живу.

— Ты меня защитишь, Гюнтер? Ты же рыцарь?

— Я не рыцарь. Я ещё даже не кавалер, я учусь на втором курсе...

— Да какая разница? Защитишь или нет?

— От него?

Мальчик повернулся к Борову, и Боров побледнел. Бледность была бы уместна, окажись мальчик громадой с пудовыми кулаками, но про таких, как Гюнтер Сандерсон, говорят: соплёй перешибёшь. Важная шишка, уверилась Мирра. Хоть три говяжьих стейка ему

скорми, хоть тридцать три — ни дня в аду, все грехи загодя списаны. Небось, папаша в чинах, со связями. А с виду скромняга, румянец аж горит. В мальчике Мирре нравилось всё, за исключением одной плохо объяснимой странности. Молокососов, выросших в теплицах-оранжерейках, молодая брамайни, сбежавшая из дому в двенадцать лет, чуяла за сто миль. Смущение, желание, боязнь ударить в грязь лицом. Павлиний хвост, пустое фанфаронство. Кипение гормонов. От юнцов, которых знала Мирра раньше, пахло целым букетом чувств — этот запах привлекал или отталкивал, но всегда был легко уловим. От Гюнтера не пахло ничем, словно от пластикового манекена. Он смущался, краснел, пялился на Миррину грудь, воображал, где у девушки есть татуха, какую нельзя показать в столовке; он потел, ерзал на стуле, но при видимых — ясно видимых! — проявлениях эмоций Мирра ничего не могла отследить на уровне женской интуиции.

Ничего!

Это возбуждает, подумала Мирра.

— Вы её обижаете? — спросил мальчик у Борова. — Не надо её обижать, это нехорошо.

Боров вздохнул:

— Её обидишь, сынок! Будь начеку, это тебе не в носу ковырять. Короче, я звоню парням, — стармех исподлобья зыркнул на брамайни. — Я звоню парням, пусть не едут. Гуляй, детка, гуляй до отлёта. И смотри, не опаздывай! «Вкусняшка» ждать не станет. Врубаешься?

Мирра встала:

— Хочешь улететь без меня?

Боров уперся тяжёлым взглядом в Миррин живот:

— Не хочу. Хочу улететь с тобой. Моя каюта в твоём распоряжении.

Мирра кивнула, одобряя такой ход мыслей. Мужчина, которого Боров назвал Клаасом Янсенем, графом

форонии, всё ещё грыз ногти, и на ум Мирре пришла забавная идея.

— Пошли, ларгí, — велела она золотому мальчику, и Гюнтер поднялся без возражений. Прозвище «ларгí» он, видимо, слышал впервые. — Купишь мне вашей чудо-травки. Будет интересно, обещаю.

— Я не курю, — предупредил мальчик.

— А что ты тогда здесь делаешь? Тут от тоски сдохнуть можно. Вот, старший механик Вандерхузен подтвердит, он мужик бывалый.

— Я слушаю.

— Музыку? Сплетни? Бурчание в желудке?!

— Саркофаг.

Слушает он, улыбнулась Мирра. Саркофаг он слушает. Пожав плечами, молодая брамайни решила не уточнять подробности. И правильно, потому что расскажи кто-нибудь Мирре, какими они будут, эти подробности, девушка не поверила бы. А если бы поверила, то пошла бы не с Гюнтером Сандерсоном, а с теми парнями, которых сватал ей Боров, и сделала бы всё, чего бы парни ни пожелали. Нет, знай она о последствиях заранее, ни за что не пошла бы с мальчиком, хоть ты гони её кнутом.

Часть первая
Дитя раздора

Глава первая

Красный код, или «Аномалия» снова в деле

/

Плазменные «солнышки», горящие под потолком центрального поста, мигнули — и обзорники «Вероники» расцвели самоцветными россыпями звёзд.

— Есть выход в трёхмерку, — доложил штурман.

В комментарии не было надобности, но традиция есть традиция: на борту всё существенное должно быть озвучено вслух. Не нами придумано, не нам и менять.

— Засечка бакена? — буркнул капитан Шпрее.

— Есть засечка бакена. Отклонение по осям от реперной точки: ноль-ноль-семь — ноль-ноль-три — ноль-ноль-четыре. Превышение расчётной скорости — три процента. Произвожу коррекцию курса и скорости.

Тридцать семь лет выслуги у капитана. Двадцать три у старпома, двадцать один у штурмана. От десяти и больше — у остальных. За спиной у каждого сотни взлетов и посадок, тысячи РПТ-манёвров. Казалось бы, к чему дублирующие реплики, если корабль и экипаж превратились в единый слаженный механизм? Формализм? Рутинка, давно утратившая смысл?

Не пора ли от неё избавиться?!

Крамольные мысли с завидным постоянством приходили в головы каждому выпуску курсантов Академии Космофлота. Юность — время ниспровержения основ. Бывалые звёздные волки не спорили с салагами: волки на то и волки, чтобы уметь ждать. Пять-семь лет на трассах, и ритуалы въедались в плоть и кровь, а следом приходило понимание:

традиции гражданского флота, как и уставы ВКС, написаны кровью первопроходцев.

— Отклонение от графика?

— Опережаем на восемь минут тридцать две секунды.

— Скорректируйте опережение до одной минуты.

— Есть, капитан!

До финальной точки маршрута — системы Ларгитаса — оставался ещё один РПТ-манёвр. Капитан Шпрее расфокусировал зрение, перейдя на слоистое восприятие, совместил картинки с оптических обзорников и волновых сканеров — и панорама космоса раскрылась перед капитаном во всей полноте, доступной обычному человеку. Звёзды приблизились, надвинулись, переливаясь миллионами оттенков неповторимых спектральных ореолов. От этого зрелища захватывало дух даже у последних циников. Межзвёздное пространство обрело фактуру и объём, прошилось насквозь жемчужными паутинками силовых линий, наполнилось плеском гравитационных волн, уходящим в ультрафиолет...

Убогая адаптация. Максимум, доступный белковым ничтожествам, запертым в жестянке корабля. Но даже эта безжалостно усечённая версия мироздания была прекрасна. Пожалуй, в тайном уголке души капитана, блюстителя традиций и убийственного педанта, все ещё жил тот восторженный мальчишка, что заболел космосом полвека назад: раз и навсегда.

За кормой «Вероники» мерцал бутон клубящегося мрака — разрыв пространственно-временной ткани, прореха во вселенском континууме, оставленная лайнером при выходе из гиперпространства. Час-другой, и рана затянется без следа. Пока же бутон и не думал закрываться. Напротив, он содрогался в противоестественных конвульсиях, распахивался шире, шире...

Шпрее моргнул, не веря своим глазам. Лепестки бутона превратились в жадную пасть, затрепетали в хищном пароксизме предвкушения. От них начали отрываться бесформенные клочья — и хлопьями пепла, влекомыми ураганом, устремились к «Веронике».

— Тревога! Флуктуативная атака!

Сказалась выучка экипажа: Шпрее ещё не отдал дальнейшие распоряжения, а из акуст-линз уже посыпались доклады со всех постов:

— Защитное поле включено!

— Красный код! Повторяю: красный код!

— Есть красный код!

— Системы активной обороны включены! Идёт захват целей.

— Перерасчёт траектории! Экстренный уход в РПТ!

— Есть перерасчёт! Время до ухода в РПТ — две минуты одиннадцать секунд.

Не успеет, понял Шпрее. Он следил за голосферами волновых сканеров — там стремительно приближалась стая пульсирующих клякс. Фаги доберутся до «Вероники» раньше. Принять бой? «Вероника» — пассажирский лайнер, а не боевой фрегат, но у корабля для встречи фагов найдутся и клыки, и когти.

Выстоим, сказал себе Шпрее. У нас нет выбора.

— Отправить запрос о помощи по гиперсвязи.

— Запрос отправлен.

— Данные о количестве и классах атакующих флуктуаций.

Он справился с первым потрясением. Голос капитана звучал сухо, ровно, как на учебной отработке нештатной ситуации. Это подействовало: лицо штурмана разгладилось, на него снизошли спокойствие и сосредоточенность; перестали дрожать пальцы старпома. Запрос отправлен, все системы активированы — теперь осталось лишь продержаться

до подхода помощи. От фага-одиночки «Вероника» отбилась бы и сама. Но к лайнеру приближалась стая.

Им необходима поддержка! Патрульный «Ведьмак»...

— Есть данные. Двадцать семь флуктуаций континуума, класс — от 1S-11— до 1C-15+...

Старпом продолжал сыпать цифрами: скорость, азимуты. Но Шпрее его не слышал. Скорость стаи уже не имела значения. Лайнеру не уйти в РПТ-манёвр, значит, нечего и суетиться. Взгляд капитана намертво прилип к сфере центрального сканера. Двадцать семь криптидов, и часть уже доросла до полноценных кракенов. На краткий миг Шпрее с тоской вспомнил те благословенные времена, когда о стаях флуктуаций ходили лишь жуткие легенды. Сотни лет фаги оставались одиночками. И вот — пожалуйста! Легенды ожили, всё летит в тартарары, и если рейдер не подоспеет вовремя, а лучше два рейдера, а ещё лучше...

— Антис!

Истинный ларгитасец, Шпрее не был суеверным. Но сейчас он готов был вознести благодарственную молитву любому божеству на выбор, как распоследний варвар. Антис! Герой космоса, защитник трасс! Передовой отряд человечества Ойкумены, к какой бы расе ты ни принадлежал! Да фаги сейчас брызнут прочь, если в их квантовых мозгах есть хоть капля соображения...

Капитан облизал пересохшие губы:

— Уточните.

— К нам приближается антис.

— Спектр?

— Волновой спектр соответствует расе Брамайн на семьдесят три процента.

— Слепок?

— Персональный волновой слепок в реестре Шмеера-Полански отсутствует...

— Что?!

Шпрее решил, что ослышался. Поверить в это было проще, чем в антиса, не значащегося в реестре.

— В реестре Шмеера-Полански отсутствует, — повторил старпом. Голос его дрожал. — Может, наша версия реестра устарела? Отозвать запрос о помощи?

— Нет!

От капитанского рыка старпом вжался в кресло.

— Где он?!

— Вот...

Световой маркер, дрогнув, указал на вихрящийся сгусток полей в сфере волнового сканера.

— Он... Он среди них!

Но Шпрее уже и сам видел: антис двигался в центре стаи, как... Как флагманский корабль в строю эскадры! Антис не атаковал фагов. Он шёл *вместе* с ними!

Шёл в атаку на «Веронику».

Почти физически Шпрее ощутил, как закипает его собственный мозг внутри черепной коробки. Сейчас капитану предстояло принять самое важное, самое отчаянное решение в своей жизни. Времени на сомнения не осталось.

— Огонь... — прошептал Шпрее.

Наружу не вырвалось ни звука: голосовые связки подвели. Шпрее сделал глубокий вдох и рявкнул во всю глотку:

— Огонь! Огонь на поражение!

Миг, и Вселенная распахнулась перед Рихардом Шпрее в своём истинном великолепии.

//

Изображение замерло.

Распялен в крике рот капитана. По щеке сползает блестящая капля пота. Всем телом подался вперёд штурман. Руки по локти утонули в сфере управления.

Третий индикаторов на пульте горит красным. На обзорниках метёт звёздная метель.

— Итак, капитан Шпрее отдал приказ открыть огонь на поражение.

— Он уточнил цели?

— Нет.

— Почему? Там же был антис!

— Это был последний приказ капитана.

— В смысле — последний? Если не ошибаюсь, он выжил?

— Имейте терпение. Сейчас вы сами всё увидите.

Бреслау не спешил вмешиваться: уточнять, размениваться на мелочи. Время задавать вопросы придёт позже. Информации не хватало для полноценного анализа, и он впитывал её бездумно, про запас, как растение — воду. Минус третий этаж Управления. Малый зал для совещаний. В зале — полдюжины экспертов с соответствующим уровнем допуска. Экспертов вызывали в дикой спешке, выдергивали за шиворот из постели, ресторана, сортира. Конфидент-поле включено. Свет пригашен до мягкого полумрака, лиц не разглядеть. Люди в креслах похожи на оплывшие огарки свечей. Едва заметно подрагивает стоп-кадр, вызывая подспудное раздражение.

Поехали, что ли?

Момент, когда запись пошла дальше, Бреслау пропустил. Он смотрел на лицо капитана, а оно оставалось неподвижным. Не лицо — театральная маска с дырой разинутого рта. Лишь одинокая капля пота продолжила свой путь по щеке, оставляя влажную дорожку. Понадобилась пара секунд, чтобы осознать: вокруг движутся члены экипажа, совершают какие-то действия. Мигают индикаторы, меняется изображение на обзорниках... В голосфере погас свет, по центральному посту «Вероники» заметался тревожный

багрянец — сполохи аварийных алармов. Аналитик, представлявший запись, подключил вспомогательные сферы, в них поползли объёмные диаграммы, строки и столбцы данных, картинки с волновых сканеров. Раздувшись, пупырчатый конгломерат сведений превратился в гигантский микроорганизм, собравшийся размножиться почкованием.

Уследить за всем было решительно невозможно. Позже надо будет пересмотреть записи по отдельности. Бреслау вновь бросил взгляд на лицо капитана — и его пробрал озноб. Экипаж вёл бой, лайнер содрогался в агонии, а на лице капитана Шпрее, сухаря из сухарей, застыло выражение благоговейного восторга. Будь капитан верующим, Бреслау решил бы, что Шпрее узрел лик Бога.

Встряхнись, велел он себе. Какой Бог? Откуда такие мысли?! Помогая вернуть самообладание, аналитик отключил звук. Крики паники, обрывки суматошных докладов — всё отсекло незримое лезвие. В тишине, рухнувшей на зал подобно удару молота, аналитик принялся комментировать происходящее.

— Как видно из этих данных, — зелёный световой маркер указал на левую нижнюю сферу, где столбцы цифр наперегонки бежали кросс, — налицо все признаки классической флуктуативной атаки. Сбои в энергосистеме корабля, аритмия напряженности защитного поля. Падение мощности реактора, несмотря на форсированный режим...

— Поэтому они не смогли уйти в РПТ? Не хватило мощности?

— Это одна из причин. Вторая — нехватка времени. Третья — существенные искажения параметров континуума, возникшие при атаке стаи. Данные сейчас обрабатываются.

В голосфере разыгрывалась трагедия. Экипаж лайнера — не матёрые волки из ВКС, а обычные

«цивилы» — бился насмерть с порождениями космоса, спасая жизни: свои и четырёмсот двадцати восьми ни о чём не подозревавших пассажиров. Здесь же, в зале для совещаний, глубоко скрытом под землёй, эксперты вели дискуссию: уточняли нюансы, параметры, строили предположения и версии, словно речь шла о колонии простейших на лабораторном стенде. Чисто научный интерес, стремление установить истину; кофе, кондиционированный воздух, уют кресел.

Пора бы привыкнуть, вздохнул Бреслау. Он знал, что не привыкнет. Знал, что не даст и тени эмоций прорваться наружу, оставаясь для всех железным Тираном, бесчувственным сукиным сыном с клыками до пояса. Прозвище, полученное много лет назад во время разбора инцидента с яхтой «Цаган-Сара», оказалось на удивление живучим. Приросло намертво, не оторвать. Живучее — намертво? Парадокс, и тем не менее, дело обстояло именно так.

Снятся ли экспертам кошмары, подумал он. Наверное, снятся.

— Как проявил себя антис?

— Предполагаемый антис, — поправил аналитик. — Как антис — никак.

— А как кто?!

Впервые аналитик замялся, не сумев сразу сформулировать ответ.

— На фоне массивной флуктуативной атаки не удалось установить, какой из атакующих объектов ответственен за то или иное энергетическое воздействие...

— То есть?! Вы хотите сказать, что все воздействия были однотипными?! И вы не можете идентифицировать их источники?

— Пока не можем, — уточнил аналитик. — Наши специалисты над этим работают. Но по существу вы правы.

— И эти воздействия, — вмешался эксперт; он не спрашивал, он утверждал, — были характерными для атакующих флуктуаций, но спорными для антиса.

— Да, — признал аналитик.

Единственный в зале, чьё лицо оставалось ясно видимым благодаря отсветам из голосферы, он выглядел совершенно потерянным. Впору было поверить, что аналитик лично несёт ответственность за действия стаи фагов.

— Не будем спешить с выводами, — Бреслау счёл нужным вмешаться. — Сначала досмотрим запись. Покажите нам происходившее на корабле.

— Да, разумеется.

Аналитик стал возиться с настройками. Уродливые наросты расточились без следа, сфера приняла нормальный вид. В ней замелькала нарезка записей с разных постов корабля — монтажёр постарался на совесть.

Центральный пост. Старпом корчится в кресле, пытаясь принять позу зародыша. Кресло-трансформер подстраивается, но неудачно. Тело старпома сотрясают конвульсии. Голова раз за разом бьётся о подлокотник. Глаза закатились, слепо отблескивая белками. Штурман прирос к пульту. Руки ушли в сферу управления уже по плечи. В глазах — лихорадочный блеск. Из нижней губы, прокушенной насквозь, на подбородок стекает тёмная струйка. Между штурманом и старпомом застыл капитан Шпрее: статуя, олицетворяющая неземной восторг. Плюясь кровью, штурман выкрикивает какие-то команды. На бежевом пластике пульта ширится россыпь алых брызг. Из последних сил штурман удерживает себя на краю безумия, вынужден принять командование лайнером.

С опозданием включился звук. Сквозь щенячий скулёж старпома пробился хрип:

— Защиту в мерцающий режим! Реакторный отсек! Доложите...

Пост управления реакторным отсеком. Под низким потолком с покрытием из губчатого биопласта мечется киноварь алармов. Человек в форме техника лежит на полу без движения. Руки широко раскинуты. На лице — гримаса крайнего изумления, как у актера, способного лишь на бездарный наигрыш. Левое веко подергивается. Лишь это позволяет понять: бедняга ещё жив.

— Волновые орудия! Непрерывный заградительный огонь!

Синий комбинезон с нашивками. Кто-то навалился на пульт, прямо в центре созвездия взбесившихся индикаторов. Левая рука вцепилась в рукоятку аварийного отключения реактора. Пальцы правой скребут по пластику. Пятерня живёт особой крабьей жизнью, и Бреслау осознаёт: движения пальцев не бесцельны. Квадрат сенсорной матрицы под ними меняет цвет с пунцового на лимонно-жёлтый. По краям проступает весенняя зелень. Вслепую, наощупь, техник чудом возвращает реактор, готовый пойти вразнос, в штатный режим.

— Повторяю: заградительный! Отставить прицельный!

Кормовой пост управления огнем. Обзорники озаряются голубыми вспышками залпов. Кажется, что снаружи, в открытом космосе, ярится гроза. В такт вспышкам содрогается тело оператора-наводчика. Можно подумать, что он палит из древнего баллистического оружия, и каждый раз стрелка сотрясает жестокая отдача. По бледному высокому лбу, по впалым щекам текут ручьи пота. Наводчик моргает — у него нет и секунды, чтобы утереть пот с лица. Наводчик держит оборону.

Всё ещё держит, выигрывая для пассажиров жизнь — секунду за секундой.

В сферах сканеров бьётся о мерцающую преграду орда клубящихся сгустков. Залпы волновых орудий отшвыривают их прочь, но порождения искаженного континуума налетают вновь и вновь. Трепещущая пленка защитного поля бледнеет, съёживается: надувной шарик теряет воздух. Фаги жрут практически любую энергию, защита лайнера для них — тоже пища. Да, жгучая, неподатливая, сопротивляющаяся, но исход предрешён. В колючем пульсирующем коконе прячется десерт, и фагам не терпится добраться до самого вкусного.

Только ли фагам?

Вихрящийся сгусток полей и энергий похож на другие порождения континуума. Не знай Тиран, о чём (*о ком?!*) идёт речь, он бы принял его за ещё одну флуктуацию, просто классом выше. Ну здравствуй, хищная загадка, которую сканеры определили как антиса расы Брамайн с точностью в семьдесят три процента. Антиса, чей волновой слепок не значился ни в одном атласе.

В чём заключалось различие поведения антиса и стаи, Бреслау ещё предстояло понять. Но он чуял его, это проклятое различие, подспудно улавливал на уровне интуиции — вируса, который с годами поражает любого толкового сотрудника разведки.

Тиран считал себя толковым.

Край голосферы озарила ослепительно-белая вспышка. Изображение на миг исказилось, подёрнулось рябью помех. Когда оно вернулось в норму, на месте вспышки распахнулся аспидно-чёрный цветок РПТ-разрыва. Из цветка в трёхмерное пространство, матово отблескивая, вывалились две несимметричные связки сигар.

«Ведьмаки» успели вовремя.

///

На ступеньках он задержался: хотел надышаться горечью ранней осени. Хрустнув шейными позвонками, Тиран обратил лицо к небу. Чёрточки перистых облаков — трещины на куполе из бледного хрусталя — едва различимые, безопасные, они ширились, ветвящимися паутинками разбегались в стороны, взламывали твердь. Неосторожное касание, и хрупкая преграда обрушится с оглушительным звоном, рассыплется на тысячи острых осколков, оставляя человечество наедине с чёрной ледяной бездной, полной чудовищ.

Бреслау моргнул, и видение исчезло.

Всё закончилось, подвёл он итог. Закончилось, не начавшись. Горсть бюрократических формальностей, и дело «Вероники» ляжет в архив. Двое суток просмотров, совещаний и мозговых штурмов. Эксперты стоят на ушах. Белковые процессоры выцента хрипят загнанными лошадьми. Интерфейсы раздуло от потока обрабатываемых данных. Дымятся кристаллобазы накопителей. Аналитики на стимуляторах и энергетиках. Блуждание в потёмках. Рой гипотез, одна другой безумнее... Диагноз: остаточное возбуждение. И переутомление — куда без него? Дело закрыто, но принятые стимуляторы будут действовать ещё шесть-семь часов. Выспаться в ближайшее время не удастся. Позвонить жене? Сходить в театр? Тильда без ума от живых ретро-постановок. Она будет рада, что они проведут вечер вместе.

Бреслау полез в карман за коммуникатором, но остановил руку на полпути. Я никуда не спешу, мысленно сказал он себе. И повторил вслух для верности:

— Не спешу.

Тильда на работе, до вечернего представления — уйма времени, а до дома — пятнадцать минут

прогулочным шагом. Прогулочным, мать его, а не галопом. Налить себе хорошую порцию бренди со льдом и тоником, зайти в вирт, изучить афиши, сделать выбор — и тогда уже звонить Тильде.

Да, именно так.

В пятый и последний раз приложив ладонь к папиллярному сканеру, Тиран покинул охраняемый периметр Управления научной разведки Ларгитаса. «Враг не дремлет!» — сто раз на дню изрекал полковник ван Вейк, замначуправ по режиму. Отойдя шагов на тридцать, Бреслау оглянулся. Чтобы охватить взглядом сорокаэтажный гриб здания, ему вновь пришлось задрать голову к небу. Обманчиво-прозрачную «ножку» с остеклением из поляризованного плексанола венчала серебристая «шляпка», под завязку напичканная аппаратурой контр-слежения. Управление торчало у всех на виду, но даже из сотрудников мало кто знал, что скрывают лабиринты подземной «грибницы», сколь далеко и глубоко они простираются. Под землёй располагалась и «Аномалия» — Отдел нештатных ситуаций, возглавляемый Тираном. Какая сволочь обозвала отдел «Аномалией», Тиран не помнил. «Хорошо хоть, не „Флуктуацией“!» — ворчал его заместитель, полковник Госсенс.

Тиран не возражал бы и против «Флуктуации».

Дорожка уходила в холмы. Ландшафтеры и дизайнеры-флористы постарались на славу: в волнах зелёного моря были живописно разбросаны островки коттеджей и особняков. Маяки вязов и клёнов — вспышки золота и пурпура — указывали путникам безопасный фарватер, ведущий к родной гавани.

Жилой комплекс Управления больше смахивал на элитный загородный поселок: ларгитасская разведка заботилась о своих сотрудниках. Тиран с супругой перебрались сюда четверть века назад — и ни разу об этом не пожалели. Бреслау жалел о другом: двое суток